ЕЛИЗАВЕТА ВЕЖНОВЕЦ

el.vezhnovets@gmail.com

КОММЕНТАРИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ПРОИЗВОДСТВО И ВОСПРОИЗВОДСТВО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

Интернет как культурное явление представляет собой не только глобальный банк данных, но и дает начало интернет-коммуникации, изучение различных аспектов которой приобрело сегодня достаточно сильную значимость. Так, последние годы были ознаменованы активным развитием социальных сетей (см. прим. 1), ставших важным аспектом существования интернет-сообщества. Последнее подтверждается их возросшей ролью в качестве дискуссионных площадок по многим вопросам и проблемам, волнующих те или иные сообщества. В части изучения последнего явления (*массовые интернет-коммуникации*), как нам кажется, одним из перспективных направлений анализа становится исследование того, каким образом выстраивается воспроизводство дискурсов в таком способе социального действия, как интернет-комментарий. Мишель Фуко (Можейко М. А., Лепин, 2001) отмечает, что *«комментарий предотвращает случайность дискурса тем, что… он позволяет высказать нечто иное, чем сам комментируемый текст, но лишь при условии, что будет сказан и в некотором роде осуществлен сам этот текст»*. В интернет-комментарии проявляет себя «взаимозависимость» Дискурса и его носителей, а также видоизменения в производстве дискурсов, происходящие при переносе коммуникативных действий в мир онлайн. Комментарий как место борьбы и воспроизводства дискурсов невозможен без некоторого воспроизводящего субъекта, являющегося ретранслятором этой борьбы. Эта роль ретранслятора ставит перед нами вопрос субъектности индивида по отношению к дискурсу, а именно того, каким образом проявляется установка субъекта на производство или, напротив, на воспроизводство дискурса. Говоря другими словами, в данном случае поднимается ***проблема*** репрезентации собственной субъектной позиции индивида в таком жанре публичной дискуссии, как комментарий (в данном случае рассматривается пример социальных сетей).

В рамках данного исследования было предложено раскрыть понятие субъектности через соотнесение тезисов о «смерти Автора»

(Р. Барт, 1989) и тезисов теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Под субъектностью мы понимаем способность индивида быть активным, деятельным, действующим субъектом, не утратившим возможность к объективации. Способность к объективации находит свое предметное проявление в артикулированном сообщении. Соответственно, когда мы говорим о «смерти автора», мы сталкиваемся с тем, что можно условно обозначить как проявления «мертвой» субъектности, к которым можно отнести, например, общую «подавленность» дискурсами, автоматическое воспроизводство его элементов – иными словами все, что характеризует установку индивида к воспроизводству, а не производству дискурса. Противоположная позиция, характеризующаяся тем, что в работе называется проявлением «живой» субъектности, описывает ту ситуацию, когда субъект в процессе говорения в буквальном смысле «производит» дискурс. Предполагается, что подобную установку мы можем наблюдать в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Последний трактует дискурс как продукт речевой коммуникации, которая представляет из себя не только и не столько процесс говорения, но включает и рефлексивность участников коммуникации, их равноценное и полное участие во всех ее аспектах. Трактовка Хабермасом дискурса как рефлексивной речевой коммуникации, предполагает ценность артикуляции и проговаривания позиций, как таковой. При этом, в теории Ю. Хабермаса значимость коммуникации определяется не столько в качестве воспроизводства определенного дискурса, сколько как средства достижения консенсуса и основы преобразования общества, что проговаривается в контексте субъектного-объектного отношения к другому. По этому поводу, в статье И. А. Чудовой «Субъектная и объектная ориентации во взаимодействии: ключевые свойства и возможности интерпретации», отмечается, что субъектное и объектное отношение в ряде современных теорий (в том числе это относится и к концепции Ю. Хабермаса), предпочитающих отказаться или избежать декламации «смерти субъекта», субъектное и объектное отношение к Другому может использоваться в качестве критериев диагностирования состояния общества (Чудова, 2009).

Целью исследования, таким образом, является описание вариантов воспроизводства субъектности в комментариях интернет-пользователей социальных сетей. Предполагается, что ***комментарий*** – отдельный жанр интернет-коммуникации, находящийся на стыке других жанров, так как он, с одной стороны, является продуктом устной речи, с другой стороны – письменной, с третьей – продуктом разнообразных интернет-трендов, задающих особенности и нормы построения текста, дает индивиду определенную свободу в воспроизводстве смыслов. Предполагается также, что жанровые особенности интернет-комментария позволяют обнаружить устойчивые

сочетания проявлений «живой» и «мертвой» субъектности индивида. Отправной точкой исследования является предположение о возможности сочетания в комментарии характеристик, характерных для «живой» и «мертвой» субъектности.

Эмпирическим объектом исследования являются тематически сгруппированные комментарии пользователей в социальной сети «Вконтакте» к публикациям в пабликах новостной направленности. Исследование проводилось на примере двух наиболее массовых новостных сообществ социальной сети «Вконтакте»: «РИА Новости» и «Лентач». Метод анализа – качественный контент-анализ. В последующих разделах представлены результаты анализа комментариев пользователей, касавшийся вопросов жанровых особенностей интернет-комментария, а также описания вариантов воспроизводства субъектности и их устойчивых сочетаний.

Место жанра интернет-комментария в жанровом многообразии социальных сетей

Обращаясь к вопросу описания жанра интернет-комментария, мы, в первую очередь, должны определить то, каковы наши основания для выделения жанра интернет-комментария как такового. В целом, категория жанра достаточно условна. В данной работе под жанром понимаются определенные устойчивые типы и формы высказываний, клише, принятые в той или иной сфере использование языка. В такой трактовке жанр объединяет в себе как структурно-формальные характеристики (обусловленные средствами артикуляции, которые нам представляются тем или иным инструментом коммуникации), так и некоторые языковые характеристики, характерные для определенного формата общения. В нашем случае мы обращаемся к вполне определенному кейсу – анализу социальной сети «Вконтакте», а именно публичных коммуникаций вокруг сообщений новостных сообществ. Это уточнение достаточно важно, так как существует множество подвидов социальных сетей, каждый из которых предполагает наличие определенных акцентов на тех или иных функциях или формах коммуникации. Так, функционал, например, корпоративных социальных сетей и сайтов знакомств достаточно различен, хотя оба данных типа интернет-сервисов созданы для организации коммуникации в интернете и являются социальными сетями. Обладая различной функциональной направленностью и будучи связанными с различными сферами коммуникаций, они предполагают различия в организации интернет-коммуникации, то есть организуют вокруг себя совершенно специфические жанры. Это дает нам основание для попытки анализа интернет-комментария социальной сети «Вконтакте» в качестве жанра коммуникации, специфичного именно для данной

социальной сети, а также некоторого корпуса социальных сетей, обладающего схожим направлением развития.

Говоря об особенностях интернет-комментария (см. прим. 2) в качестве жанра, мы можем выделять как наличие некоторых общих черт с другими жанрами интернет-коммуникаций, так и выделять определенные специфические черты. Так, для трендов комментариев в социальных сетях характерна ***темпоральная недолговечность*** – дискуссии, как правило, живут относительно краткое время. Активное обсуждение заканчивается в течение двух-трех дней после возникновения дискурсивного события, отдельные комментарии могут появляться и позже, но в целом дискуссии достаточно недолговременны даже в тех случаях, когда речь идет о событиях, традиционно собирающих большое количество откликов (см. прим. 3). Основываясь на указанном критерии, можно вывести несколько тенденций новостных дискуссионных трендов, возникающих в социальных сетях:

1. **«Мозаичность» обсуждений**. Возникающие в социальных сетях дискуссии более дискретны, чем на форумах, где они, как правило, более жестко модерируются с точки зрения тематической скомпанованности. Эти обсуждения, по крайней мере относительно кейсов крупных новостных сообществ, более быстротечны – в комментировании в социальной сети возрастает скорость реакции пользователей на те или иные новостные события. Формат социальных сетей требует от пользователей более быстрого реагирования – уже через день отдельный новостной пост станет «историей», событием, отделенным от настоящего момента не 24 часами, а десятками, если даже не сотнями других новостных событий. Так, если обращаться только к паблику «РИА Новости», можно обратить внимание на то, что количество сообщений в день одного только этого новостного сообщества колеблется вокруг цифры в 50 постов. Это означает, что каждый час, прошедший с момента опубликования новости, как бы отдаляет читателя от события не только во временном измерении, но также в системе координат виртуального пространства. Пользователь, зашедший в сеть восемью часами позже публикации новости вполне может никогда не узнать о проходившей дискуссии даже в том случае, если ее предмет для него интересен. Отдельный пост, таким образом, как бы формирует отдельное ситуативное микросообщество, реально существующее только относительного конкретного новостного поста.

2. **«Жанровое закрепощение»**. Так как интернет-комментарий требует быстрой реакции, он во многом приближается к ситуации устной речи. В этом смысле интернет-комментарий в социальной сети обладает гораздо меньшей свободой к самовыражению и снижает возможности индивида к манипуляции жанром – в отсутствии времени к длительному осмыслению ответа пользователь

склонен артикулировать наиболее релевантные для себя речевые конструкции, опираясь на устойчивые когнитивные схемы, обращение к которым укоренено опытом индивида.

3. **Эффект «ускорения» времени**. За счет структуры новостной ленты новостные события и, соответственно, актуальность обсуждений, начинают устаревать с большей скоростью, чем ранее. Новостные события и дискурсы «вокруг» них очень быстро теряют релевантность для интернет-пользователей. Это в некоторой мере согласуется с эффектами информационной перенасыщенности – пользователи как бы теряют чувствительность и восприимчивость к обсуждениям в том числе через ускоренное переживание отдельных реакций, которое вполне может быть достаточно мощным, не обладая, при этом, долговременным эффектом.

Относительно ***форм артикуляции текста*** интернет-комментария можно отметить, что они менее разнообразны, чем это можно было бы ожидать с учетом всех инструментов, которые предоставляются современными социальными сетями. Так, для комментаторов новостных пабликов, в целом, не характерно активное использование гиперссылок, аудиозаписей, визуальных изображений (имеются в виду картинки и gif-изображения), видеозаписей. Преимущественной формой артикуляции является текстово-графическая, с акцентом на использовании комбинаций знаков препинания, выражающих те или иные эмоции, а также собственно эмодзи.

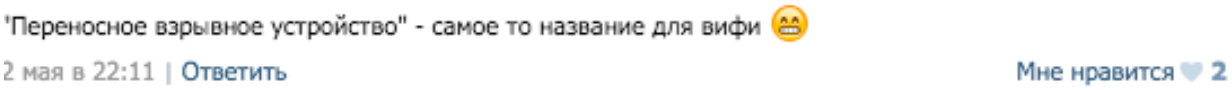

Рис. 1. Пример текстово-графической артикуляции комментария (см. прим. 4)

Комментаторы часто игнорируют правило пунктуации, необходимость написания имен собственных с заглавных букв. Комбинации знаков препинания, как и в некоторых других жанрах интернет-коммуникации, могут урезаться до отдельных элементов – например, вместо знака «:-)» может использоваться «:)» или даже «)». Фиксация эмоциональных аспектов комментария посредством символов или эмодзи выступает средством ограничивания отдельных высказываний друг от друга и может даже заменять классическую для письменной речи точку (рис.1). Применение других форм артикуляции, вероятно, требует от пользователя больше усилий (и времени) и поэтому пользуется меньшей популярностью. Фактически, сложившаяся ситуация указывает на наличие тенденций к «жанровому закрепощению».

Среди альтернативных форм артикуляции текста стоит отметить визуальные изображения JPEG, Gif-изображения, видеозаписи, которые, при их использовании, могут как полностью замещать собой текстовое послание, так и сопровождаться какими-либо подписями. Второй случай способствует устранению неопределенности коммуникации, так как дополнительное уточнение, как правило, позволяет более полно донести смысл послания до адресата. Обобщая сказанное можно выделить 4 формы артикуляции высказывания, к которым преимущественно прибегают пользователи:

- Чистый текст;
- Текст + эмодзи;
- Текст + графическое сопровождение (JPEG/Gif-изображение);
- Текст+символы (:), >:), и т.д.).

Это обобщение справедливо, в первую очередь, для новостных пабликов. В других кейсах возможно смещение к иным формам артикуляции, например, в тех случаях, когда мы говорим о «целевых» постах, которые предлагают пользователю совершить конкретное действие (поделиться аудиозаписью, изображением).

Одним из важнейших аспектов описания жанра интернет-комментария является описание ***языковых средств***, характерных для интернет-дискуссий. Безусловно, наиболее яркой чертой интернет-коммуникаций в целом и социальных сетей в частности является использование *веб-жаргонизмов*.

Рис. 2. Фрагмент комментария, цитирующего интернет-мем «проблемы с доступом в Джойказино» (см. прим. 5)

К веб-жаргонизмам можно отнести достаточно широкий ряд социолектов, начиная от разнообразных аббревиатур, заимствованных из англоязычного интернета (LOL, WTF), их русифицированными вариантами (например, «кек» или аббревиатура «P.S.», в русском интернете превратившаяся в «З.Ы.»), и заканчивая «исконно» русскоязычными выражениями («мч», «баян»). Кроме того, в отдельное направление веб-жаргонизмов имеет смысл относить разнообразные

интернет-мемы, которые могут выражаться в виде гиперссылок, визуальных изображений и даже текстовой форме (см. прим. 6). Интернет-мемы является относительно устойчивой формой высказывания, которая, впрочем, далеко не всегда представляет из себя «долговечную» с точки зрения популярности символическую конструкцию.

Характерной чертой интернет-мемов, зачастую, является общая ироничность высказывания, спонтанность распространения и ярко-выраженные «пики» популярности. Для российского Рунета, кроме всего прочего, характерно заимствование интернет-мемов из англоязычных источников, при этом начало популярности отдельного интернет-мема в российских социальных сетях может наступать как синхронно с англоязычными, так и начаться позже. Стоит так же отметить, что интернет-мемы, являясь отдельным социолектом, могут быть характерны для отдельных сфер коммуникаций и аудиторий. Так, если сравнивать два новостных сообщества РИА «Новости» и «Лентач», то в первом случае использование интернет-мемов менее выражено, что, с одной стороны, может объясняться различностью аудиторий, а с другой – особенностью модерации комментариев в сообществе «Лентач». На примере же последнего сообщества можно также проиллюстрировать возможность существования локальных социолектов: «пикчер бох», UPD: “передаю привет маме, родным!» (см. прим. 7).

Кроме всего прочего, для интернет-комментария характерно *сближение с бытовой речью*, в том числе активное использование междометий, которое, по-видимому, призвано снизить неопределенность и эмоционально-жестовую «недостаточность» письменных форм коммуникации. С точки зрения синтаксиса, высказывания не обладают сложной структурой, часто упрощены или выражены через неполные предложения. Интернет-пользователи активно используют разнообразные эмоционально-оценочные слова, также, по-видимому, призванные, сгладить разрывы и недопонимания, естественным образом возникающие в коммуникации, опосредованной современными техническими средствами.

Имена интернет-пользователей могут быть как приближены к реальным, так и обладать явными чертами прозвища и псевдонима (например, имена Экстремист (см. прим. 8), Отец-Борис, Винни Пух). При этом, наличие псевдонима не является обязательным условием большей погруженности в интернет-дискурс, более активного интердискурсивного давления, проявлений агрессии и может быть только некоторым условием для «более свободной» артикуляции высказываний, что, впрочем, требует отдельного исследования. Выбор имени и фотографии профиля интернет-пользователем следует скорее

относить к общему формату саморепрезентации в социальных сетях, чем элементу проявления того или иного варианта субъектности в интернет-комментарии, а в процессе анализа массовой интернет-коммуникации этот аспект должен учитываться в качестве контекста интерпретации.

В тех случаях, когда высказывание признается «ценным» остальными участниками дискуссии, они могут «ставить ему лайки» (см. прим. 9). *Количество «лайков»* выступает мерой «социального поощрения» и одобрения комментатора. Как правило, пользователями поощряются различные иронические высказывания, «меткое» использование мема как в чистом виде, так и адаптированного под ситуацию (то есть частичные клише). Кроме того, «лайк» выступает способом декларации сходства жизненных миров.

Индикатор ***средства интердискурсивного давления*** особенно важен при анализе публичных интернет-коммуникаций. Средства интердискурсивного давления, указывают на то, каким образом пользователи высказывают позицию артикулируемого дискурса/дискурсов вне зависимости от того, воспроизводится или производится этот дискурс. Такими средствами можно считать определенные элементы высказываний, которые позволяют указать наличие нескольких дискурсов в сообщении, означить их границы и переключения между дискурсами в рамках высказывания. Интердискурсивное давление как таковое не может являться аспектом исключительно «мертвой» или «живой» субъектности, так как артикуляция дискурсов и, соответственно, их пересечение и столкновение осуществляется в любом случае. Вместе с тем, мы можем предполагать, что в различных проявлениях субъектности мы можем обнаружить предрасположенность пользователей к определенным вариантам интердискурсивного давления, хотя бы в силу того, что субъект, проявляющий «живую» субъектность, стремится формулировать сообщения, основанные на более сильной аргументации и, соответственно, явно указать на то, какие именно дискурсы он привлекает, каково основание для привлечение этих дискурсов, а также какие именно аспекты этих дискурсов наиболее важны с точки зрения предмета дискуссии.

В ходе анализа, были выявлены следующие *варианты интердискурсивного давления*:

1. Языковые средства:

- коннекторы, маркирующие оппозицию (а от, а значит, если то, то.., это не..);
- формы сравнения (также, поэтому, а заодно, и, конечно же, как всегда…);

2. Ссылки:

- Видеозапись/документ/фотография/аудио как «вещественное»

доказательство/прямое (вос)производство дискурса;
- Гиперссылки;
- Символические отсылки посредством использования мемов;
- Прямые ссылки на события, связанные с (вос)производимым дискурсом;
- Аллюзии;

3. Визуальные средства:

- Использование CAPS LOCK (НАПРИМЕР, ТАКИМ ОБРАЗОМ);
- Видеозапись/ фотография/аудио как средство «привлечения внимания».

Представляется необходимым отдельно остановиться на тех вариантах интердискурсивного давления, которые в данной работе были определены как «визуальные». Хотя эти способы интердискурсивного давления соотносимы с другими группами показателей, через которые операционализируется данное понятие, представляется целесообразным выделять их в отдельный блок. В случае массовой интернет-коммуникации в социальных сетях особое значение приобретает формат представления комментария. В тех случаях, когда пользователь стремится наиболее явно и четко артикулировать дискурс, сделать так, чтобы он был услышан и понят, он, ввиду нехватки иных средств, может прибегать к тому, что мы условно называем «визуальным» давлением. Примеры такого давления мы можем наблюдать в паблике «Лентач» – в условиях работы роботизированных модераторов, пользователи сталкиваются с необходимостью максимально быстро привлечь внимание к своему высказыванию, что, как раз, наиболее удобно проводить за счет «визуального» давления, то есть целенаправленного акцентирования внимания к сказанному. Удачная комбинация текста и изображения, в этом случае, является гораздо более эффективным приемом, чем четко выстроенная аргументация. При этом, большое значение имеет содержание изображения. Оно должно содержать такой код, который считывался бы другими пользователями быстро и без каких-либо затруднений. Здесь достаточно часто используются общепринятые визуальные изображения, являющимися элементами common sense пользователей – они обыгрываются и подстраиваются под новость (Рис. 2, Рис. 3). Высказывания, сформированные по самым различным поводам, подстраиваются под некоторое клише, через которое обрабатывается реально произошедшее событие.

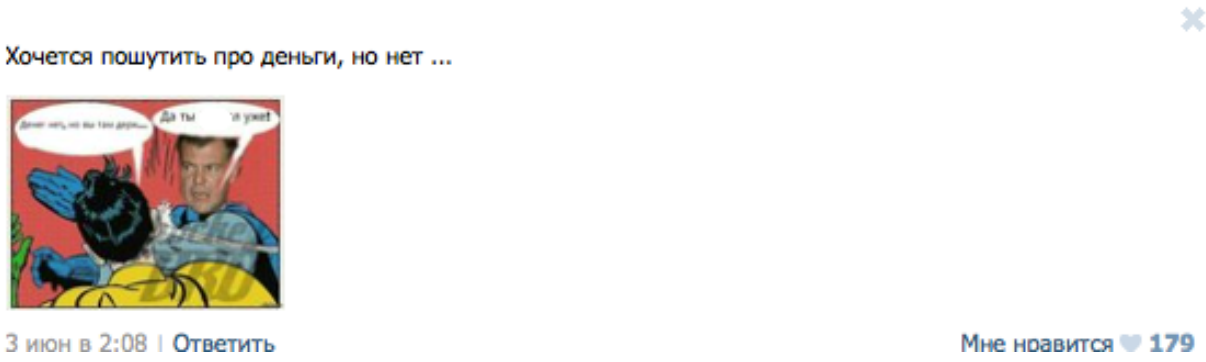

Рис. 3. Пример «обыгрывания» визуального изображения в комментарии (см. прим. 10)

Если обращаться к примерам «РИА Новости» и «Лентача», можно обратить внимание на то, что такой способ визуального давления более характерен для второго паблика, где сложившийся формат коммуникаций требует от пользователей артикулировать «ценные» для других участников коммуникации комментарии, что является обязательным условие сохранения «права на коммуникацию». Что интересно, даже с учетом того, что использование мема потенциально способно сохранить за субъектом «право на участие в коммуникации», пользователями приветствуется определенная творческая свобода самовыражения и нестандартный подход к конструированию иронического (как, например, на Рисунке 3).

Таким образом, интернет-комментарий в новостных пабликах, по крайней мере самых массовых, оказывается достаточно приближен к бытовой устной речи – веб-жаргонизмы, мемы хоть и используются пользователями, все же относительно факультативны и не являются обязательным элементом артикуляции. Вероятно, это обусловливается тенденциями к смешению жанров коммуникации, так как предметы обсуждения связаны с бытовым дискурсом пользователей. Кроме того, это может быть связано и с особенностью аудиторий изучаемых пабликов – вполне возможно, что, например, пользователи «РИА Новости», действительно массового паблика, объединяющего самых разных людей, в меньшей степени «погружены» в интернет-дискурс (по крайней мере часть комментаторов). Вместе с тем, ряд перечисленных выше характерных черт комментария все же позволяет выделять его в отдельный жанр.

«Живая» и «мертвая» субъектность в интернет-комментарии: варианты воспроизводства и устойчивые сочетания

Напомним, что описание субъектности в интернет-комментарии в рамках данной работы строится на теоретических воззрениях Ю.

Хабермаса, а именно его представлениях о том, какими характеристиками обладает коммуникативное действие, а также ситуация, в которой это действие может быть артикулировано.

Одной из наиболее заметных черт субъектности, которую можно обнаружить при обращении к анализу дискуссионных веток комментариев, является преимущественная апелляция пользователей к *жизненному миру*. Комментарий, возникающий относительно новостного события –это, в первую очередь, высказывание пользователя относительно того, как то или иное дискурсивное событие встраивается или, наоборот не встраивается в его жизненный мир: *«Сомневаюсь, что эти данные, кроме как ученым, интересны»* (см. прим. 11). Варианты апелляции к жизненному миру достаточно разнообразны: участники коммуникации могут как декларировать недостаток опыта, так и интерпретировать свой личный опыт, либо использовать его прямую артикуляцию. Вместе с тем, комментарий часто ограничивается исключительно апелляцией к жизненному миру, то есть, что, если обращаться к терминам данной работы, располагается ближе к проявлениям «мертвой» субъектности, чем «живой». В случае апелляции исключительно к жизненному миру, мы сталкиваемся с той ситуацией, когда пользователь использует новостное событие как «повод» воспроизвести дискурс. Такое высказывание может содержать интерпретацию личного опыта индивида, оценку новостного события, но, фактически, не вносит в дискуссию ничего нового с точки зрения доконструирования и производства дискурса. Аналогичным образом может проявлять себя и апелляция исключительно к объективному – в каком-то смысле она даже более автоматична, чем воспроизводство жизненного мира и подразумевает полное воспроизводство дискурса, безотносительно интерпретаций объективных фактов. Апелляции к интресубъективному и объективному не так распространены, как апелляция исключительно к жизненному миру. Вместе с тем, они могут артикулироваться как по-отдельности (например, прикрепление видеозаписи с выступлением политика), так и в виде сочетаний с апелляциями к жизненному миру. При этом, если обращаться именно к конкретным формам апелляции к элементам речевого действия, в случае проговаривания интерсубективного пользователи предпочитают опираться на *common sense*, а в случае апелляции к объективному – упоминают факты, претендующие на истинность, не подтверждая, при этом, реальность их существования:

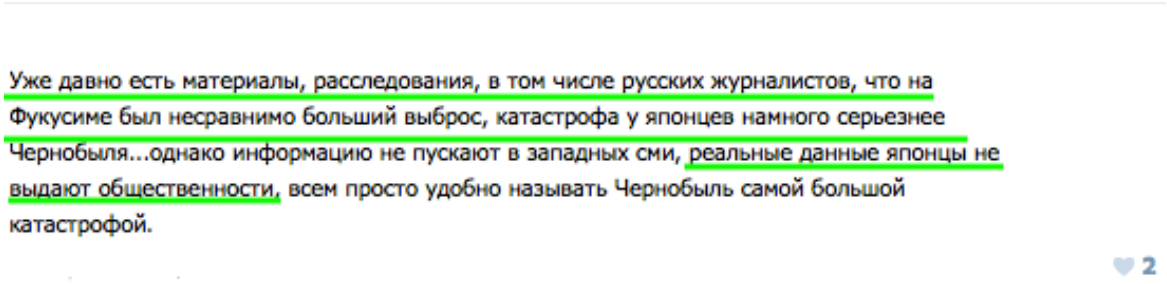

Рис. 4. Пример апелляции к объективному через упоминание фактов, претендующих нас истинность (см. прим. 12)

Это объясняется особенностями интернет-комментария, связанными с его темпоральной недолговечностью. Участие в коммуникации осуществляется за счет укорененных в воспроизводимых дискурсах значений, которые могут быть артикулированы относительно быстро. Это также сближает интернет-комментарий с бытовой речью – высказывания, созданные непосредственно по поводу новостного события, представляют собой как бы прямую артикуляцию дискурса, далеко не всегда требуя от пользователя специфичной аргументации и привлечения всех уровней речевого действия, подкрепления высказывания «вещественными доказательствами». Стандартное новостное событие (то есть не являющееся, например, остросоциальным) предрасполагает к воспроизводству дискурса. Необходимость аргументации и множественной апелляции ко всем элементам речевого действия, как таковая, возникает на уровне отдельных дискуссий между пользователями, в которых происходит столкновение дискурсов, так как только таким образом возможно придать высказыванию достаточный уровень значимости. Соответственно, мы можем предположить, что разные новостные события могут располагать к проявлению различных вариантов субъеъектности, «живой» или «мертвой». Там, где речь идет об устоявшихся, «сильных» дискурсах возникает предпосылка «воспроизвести, а не произвести» дискурс. Это видно на примерах дискуссии вокруг вредности продукции компании Johnson&Johnson (см. прим. 13) – пользователи апеллируют ко всем трем уровням речевого действия (рис. 5) именно в тех случаях, когда коммуникация предполагает существование полемики, существует потенциал столкновения достаточно сильных дискурсов (например, в ситуации с Johnson&Johnson существует предпосылки для дискуссии по поводу химических свойств мыла, то есть речь, по крайней мере косвенно, идет об обсуждении научных фактов).

В рамках проанализированных дискуссий можно было наблюдать едва ли не обратную ситуацию, когда пользователи, вступив в полемику, начинают манипулировать ситуацией коммуникации, как бы устраняя

из комментариев собеседника отдельные элементы речевого действия. Такая манипуляция может основываться, например, на поле или возрасте собеседника – на этом основании жизненный мир, опыт пользователя признается как бы незначимым, а сам комментарий собеседника практически «омертвляется» в том смысле, что сама возможность собеседника производить дискурс подвергается сомнению.

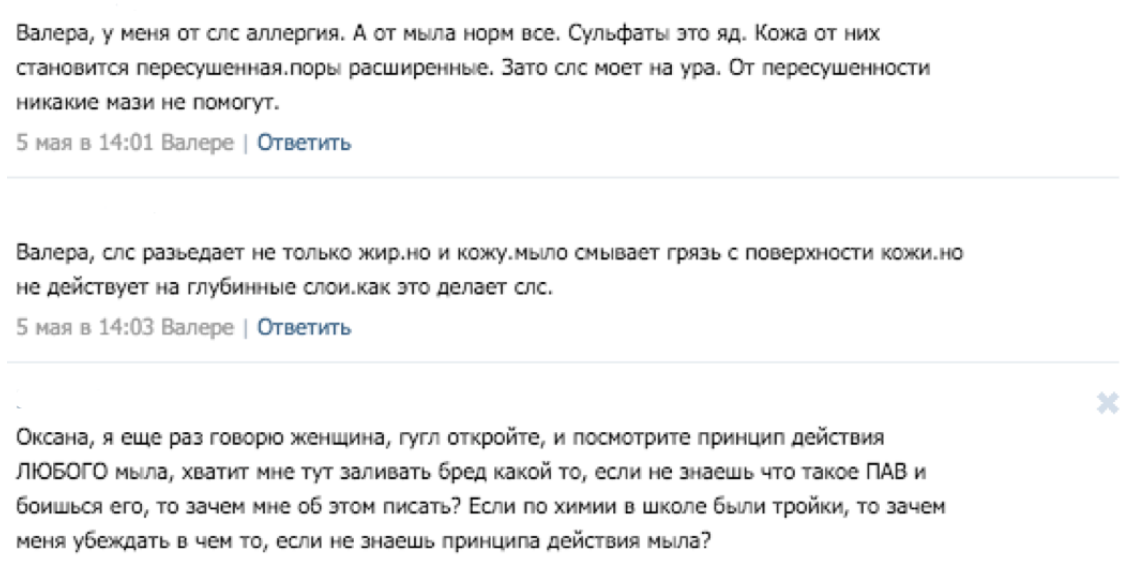

Рис. 5. Пример манипуляции ситуацией речевого действия (см. прим. 14)

Даже в тех случаях, когда подобные манипуляции не приносят пользователю очевидной победы, они дают возможность закрепить в коммуникации артикулированное с позиции собственного жизненного мира, воспроизводя, тем самым некоторый дискурс:

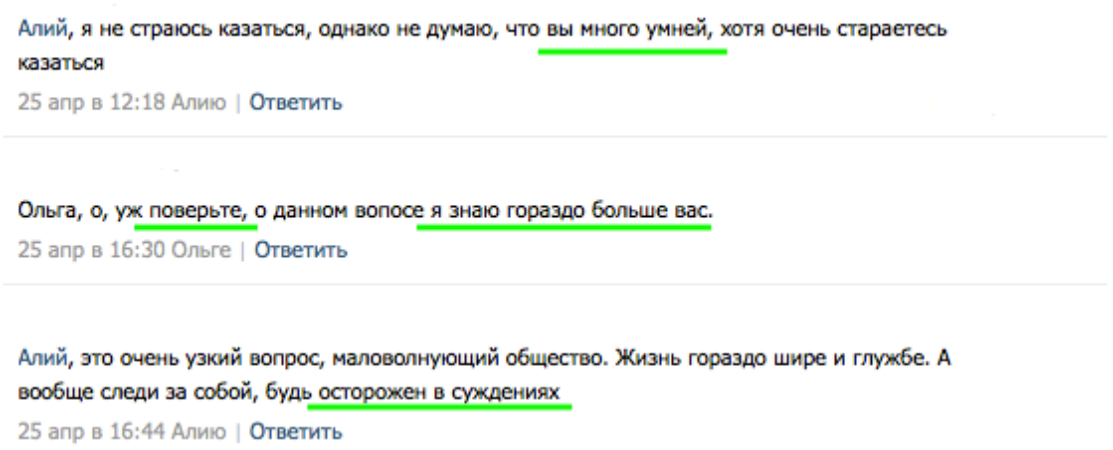

Рис. 6. Пример манипуляции ситуацией коммуникации с закреплением позиции жизненного мира (см. прим. 15)

В примере выше мы видим, как в ходе дискуссии меняется обращение к адресату и нарушается симметричность условий коммуникации, так как участники беседы взаимно подвергают

сомнению правомерность участия в дискуссии, а также личный опыт оппонента. Что символично, данный фрагмент дискуссии построен только на апелляции к жизненным мирам, конкретных обоснований через объективные факты или апелляцию к *common sense* нет.

Манипулирование ситуацией может также осуществляться через акты агрессии (на этом часто построен феномен троллинга):

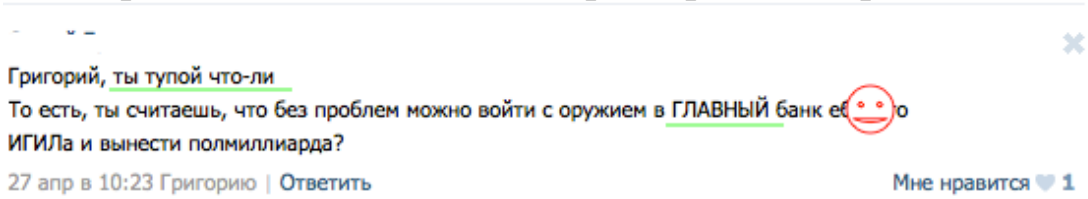

Рис. 7. Пример манипуляции ситуацией речевого действия через явно выраженную агрессию (см. прим. 16)

В примере выше зафиксирован акт агрессии по отношению к пользователю, что является нарушением ситуации речевого действия, способствующей производству дискурса. В данном примере аргументация выстроена на апелляции к common sense, то есть к интерсубъективному, которое, судя по материалам дискуссий, может обладать большей претензией на значимость, чем жизненный мир (то есть субъективный опыт) собеседника.

Итак, мы определили, что в тех случаях, когда дискурс не предполагает активной полемики и обсуждений, пользователи скорее будут артикулировать «мертвую» субъектность через апелляцию к собственному жизненному миру. Апелляция к только к интерсубъективному и объективному также возможна, однако проводится через использование текстуального или текстуально-визуального формата артикуляции высказывания. Гиперссылки, видеозаписи практически не используются, в артикуляции и обычно сочетаются с текстуальными пояснениями. Более того, без связи с текстом эти способы артикуляции высказыванию теряют свой вес в качестве значимых аргументов, так как именно объективное, артикулированное подобным образом наиболее просто воспроизводится автоматически и часто может являться спамом или даже нести опасность для пользователей (см. прим. 17). Распространены сочетания апелляции к жизненному миру и интерсубъективному/объективному, которые также артикулируются преимущественно текстуально. С точки зрения разнообразия языковых средств и форм артикуляции стоит отметить, что в тех случаях, когда мы говорим об апелляции к нескольким элементам речевого действия можно заметить увеличение длины высказывания, использование аллюзий. Именно в этих случаях возникает использование коннекторов, маркирующих оппозицию (даже в тех случаях, когда ведется полемика

не с конкретным адресатом, а высказывание конструируется относительно новостного сообщения). В тех случаях, когда пользователи манипулирую ситуацией коммуникации, пытаясь «удалить» из дискуссии отдельные элементы речевого действия собеседника, ярко выражена эмоциональная окрашенность используемых словосочетаний (при этом в дискуссиях в целом активно используется словообразование на основе аффиксов и иных словообразовательных средствах, что, в целом, характерно для русского языка). Веб-жаргонизмы и мемы используются реже, чем это можно было бы ожидать (здесь четко видна разница артикуляции субъектности между пользователями «РИА Новости» и «Лентача»). В целом, если расположить «живую» и «мертвую» субъектность на разных концах вектора, то по мере движения к «живой» субъектности увеличивается разнообразие используемых языковых средств, которое, тем не менее не так уж и велико.

Интересным образом в дискуссиях паблика «Лентач» проявляет себя то, каким образом субъекты осуществляют *«власть надо словом»* – манипуляция жанром и «обыгрывание» клишированных сообщений (в первую очередь интернет-мемов) является едва ли не самоцелью большей части комментаторов. Здесь, с одной стороны, пользователи ориентируются на жанр, то есть находятся под властью дискурса. С другой – они несколько дистанцируются от него, видоизменяют, подстраивают под ситуацию, проявляют собственный стиль – то есть избегают полного следования жанру, как бы «ускользая» от власти дискурса. Мемы здесь выступают скорее средством оформления сообщения таким образом, чтобы оно было понятно участникам дискуссии. Конечно, говорить о полном освобождении от власти дискурса через манипулирование жанром вряд ли возможно, тем более, что пользователь, в любом случае, должен ориентироваться на правила (вос)производства дискурса, чтобы быть понятым. Дискуссия обладает ярко выраженным игровым характером (что, кстати, гораздо менее выражено в «РИА Новости»), ирония является доминирующим языковым средством. Пользователь артикулирует такое высказывание, которое вызовет одобрение со стороны других участников дискуссии (так как лишь таким образом можно подтвердить право на участие в обсуждении и артикулировать дискурс). В этом смысле свободы артикуляции в паблике гораздо меньше, чем в «РИА Новости», а временные ограничения требуют от пользователя проявлять чуть больше усилий с точки зрения предварительной подготовки комментария, который должен быть максимально читаемым и принимаемым большинством.

Ниже в Таблице 1 представлено обобщенное описание комментирования, сгруппированное по основным информационным посылам.

Таблица 1. Сводное описание комментариев интернет-пользователей, сгруппированное по основному информационному посылу

Комментарий «по поводу новости» *(максимальное проявление «мертвой» субъектности)*	**Комментарий-отношение к новости**	**Комментарий-шутка по поводу новости.**	**Комментарий-ирония над новостью**/дискурсами, упоминаемыми в новости	**Комментарий-агрессия**	**Комментарий-обсуждение** *(максимальное проявление «живой» субъектности)*
– Тема комментария не согласована с темой новости/связана с ней косвенно; –*Элементы речевого действия*. В первую очередь основывается на артикуляции жизненного мира пользователя, то есть содержит срез «автоматической» реакции на инфоповод; –Языковые средства. Относительно беден с точки зрения привлекаемых языковых средств; Относительно краток с точки зрения длины высказывания; Явно проявляет себя	- Тема комментария согласована с темой новости; - *Элементы речевого действия* Основывается на апелляции к жизненному миру и интердискурсивному (common sense). Апелляция к объективному может присутствовать в редких случаях, значимость объективного факта как правило не подкрепляется «вещественными доказательствами»; –Языковые средства. Относительно беден с точки зрения привлекаемых языковых средств; Относительно	- Тема комментария согласована с темой новости; - *Элементы речевого действия* Основывается на апелляции к жизненному миру и интердискурсивному (common sense). – Форма артикуляции. Текстуальная/текстуально-визуальная с использованием изображений/видеозаписей. - Усиливается» следование жанру – именно в иронических и шуточных высказываниях пользователи привлекают специфичные элементы интернет-дискурса (веб-жаргонизмы,	- Тема комментария согласована с темой новости; - *Элементы речевого действия* Основывается на апелляции к жизненному миру и интердискурсивному (common sense). - Языковые средства. Используются иронические высказывания, сарказм. - Манипулирование жанром и клишированным сообщением используется как средство осуществления иронии. -	- *Языковые средства*. Разнообразен с точки зрения применяемых языковых средств. Могут встречаться коннекторы оппозиции. - Используется манипуляция ситуацией речевого действия; - Ярко выражен эмоциональный аспект аргументации: использование эпитетов и обсценной лексики, активное словообразование (в том числе для выражения эмоциональных аспектов, что, в целом, согласуется с особенностями русского языка).	- *Элементы речевого действия*. Основывается на апелляции к жизненному миру/интерсубъективному (common sense) - Языковые средства. Наиболее разнообразен с точки зрения применяемых языковых средств. Предложения становятся более длинными. Могут встречаться коннекторы оппозиции. - Манипуляция ситуацией речевого действия отсутствует.

эмоциональная составляющая (эмоциально-окрашенные оценочные выражения, в т.ч. с использованием соответствующего словообразование); –Форма артикуляции. Артикулирован преимущественно текстуально, либо в виде комбинации текста и знакового/визуального (эмодзи) выражения эмоций.	краток с точки зрения длины высказывания; Явно проявляет себя эмоциональная составляющая (в т.ч. словообразование за счет аффиксов, префиксов);	интернет-мемы).	«Усиливается» следование жанру – именно в иронических и шуточных высказываниях пользователи привлекают специфичные элементы интернет-дискурса (веб-жаргонизмы, интернет-мемы).		

Несмотря на все разнообразие дискурсивных событий, высказывания пользователей, как правило, могут:

а) артикулироваться «по поводу новости». В таких высказываниях пользователи артикулирует собственный жизненный опыт безотносительно темы новости. Новостное событие выступает как бы стимулом для артикуляции – ответная реакция пользователя автоматична и содержит «мгновенный срез» опыта пользователя, так или иначе связанного с данным событием (по крайней мере с позиции говорящего). Сюда же целесообразно относить артикуляцию объективного или интерсубъективного в тех случаях, когда каждый из этих элементов речевого действия артикулируется отдельно. В этом случае пользователи как бы воспроизводят отдельные аспекты дискурса, не реализуя конструирующую высказывание функцию. В данном варианте комментирования в наибольшей степени проявляет себя «мертвая» субъектность пользователей, так как в нем существует установка на воспроизводство дискурса, какая-либо доконструкция фактически отсутствует;

б) являться комментарием-отношением к новости. Тема комментария в этом случае согласована с темой новости, связь между артикулированным опытом и дискурсивным событием прослеживается явно. Может присутствовать артикуляция интерсубъективного;

в) артикулировать комментарий-шутку, которая высказывается по поводу новости. В таком комментарии пользователи высмеивают отдельные аспекты новости или дискурса, к которым эта новость относится;

г) артикулировать комментарий-иронию над новостью/дискурсами, упоминаемыми в новости. От комментария-шутки отличается ярко-выраженной иронической составляющей (в предыдущем варианте она может использовать, но не является основным языковым средством и самоцелью), то есть стремлением принизить или придать отрицательный характер явлению. Ирония в некотором смысле усиливают «живую» субъектность, так как предполагает такую интерпретацию события, когда пользователь подвергают сомнению свершение какого-либо факта. Такие сомнения являются дополнительным стимулом к осмыслению и производству дискурса и требуют от пользователей больше рефлексивных и интерпретационных усилий;

д) артикулировать комментарий-агрессию. Высказывается либо по отношению к гипотетическим носителям оппонирующего дискурса, либо по отношению к другому участнику дискуссии. Кроме повышенного эмоционального фона в таких высказываниях проявляют себя манипулирование условиями ситуации речевого действия. Интересным является вопрос, связанный с тем, считать ли манипуляцию ситуацией проявлением «мертвой» или «живой»

субъектности. Фактически, здесь можно провести некоторое разделение форм манипуляции, так как само по себе исключение собеседника из дискуссии далеко не всегда может нарушать ход обсуждения (особенно ввиду распространённости феномена троллинга). Фактически, манипуляция ситуацией может быть проявлением «живой» субъектности в тех случаях, когда она подкрепляется соответствующей аргументацией на основе объективного/интерсубъективного, то есть реально демонстрирует несостоятельность собеседника. В тех же случаях, когда речь идет исключительно об агрессии, уничижении женненного мира оппонента, мы, по-видимому, можем говорить о проявлениях «мёртвой» субъектности;

е) артикулировать комментарий-обсуждение. Так же, как и в предыдущем пункте может быть артикулирован как по отношению к группе, так и по отношению к конкретному адресату. Отличительной особенностью является привлечение трех уровней речевого действия без манипуляции ситуацией действия – в таких комментариях отсутствует дискредитация собеседника, а сам формат артикуляции можно описать как «аргументированное высказывание» – субъективное объективируется таким образом, чтобы артикулированный дискурс был обоснован. Такой формат предрасполагает к дискуссии хотя бы в силу того, что в нем присутствует артикуляцяция уровня объективных фактов и интерсубъективного, то есть тех аспектов социального, которые не являются исключительно индивидуальными особенностями пользователя и по своей природе более консенсуальны, чем личный опыт, аргументация на основе которого уязвима для критики и по определению обладает меньшим уровнем значимости.

Прежде чем перейти к описанию выводов отметим, что предложенная в Таблице 1 группировка достаточно условна и нацелена скорее на то, чтобы указать наиболее характерные черты выделенных групп комментариев.

Основные выводы

Обобщая сказанное, следует остановиться на нескольких выводах из анализа, которые представляются наиболее интересными с точки зрения текущих результатов работы, а также потенциальных направлений для дальнейшей разработки темы.

Во-первых, по крайней мере, как это видно на проанализированном материале, в массовых коммуникациях пользователи скорее (вос)производят дискурс, чем производят. Это наблюдение может быть последствием того, что для анализа в рамках данной работы были выбраны массовые интернет-сообщества

(напомню, предполагалось, что за счет массовости аудитории нам удастся наиболее полно описать проявления субъектности). Есть основания считать, что данное предположение себя не оправдало, потому необходимо проведение повторного анализа на другом материале. Вполне возможно, что ситуация массовых новостных пабликов располагает к артикуляции «мертвой» субъектности. Отсюда возникает второе наблюдение и, одновременно, исследовательский вопрос: чем в большей мере обуславливается проявление субъектности: ситуацией коммуникации или самим субъектом? На примере сравнения пабликов с принципиально различными форматами комментирования было обнаружено, что их пользователи проявляют разную степень субъектности (впрочем, различия между ними гораздо менее явны, чем это можно было бы предполагать). С достаточной уверенностью можно говорить, что в тех ситуациях, когда пользователи участвуют в дискуссии с другими пользователями, возникает больше предпосылок для проявления «живой» субъектности, в этом же случае увеличивается разнообразие привлекаемых языковых средств.

Еще одной особенностью комментария оказалось то, что он, по-видимому, предоставляет мало свободы для артикуляции высказывания, по крайней мере на массовых коммуникационных площадках. На следующем этапе исследования целесообразно обратиться к относительно узким, возможно экспертным сообществам, в которых пользователи, предположительно, могут проявлять более «живую» субъектность. Вопрос, во что это может вылиться в том случае, если социальные сети станут основными площадками коммуникации.

Относительно структуры высказывания можно отметить, что комментарии действительно можно объединять в некоторые группы, объединенные определенными специфичными чертами. Деление, предложенное в Таблице №8 не является окончательным и может быть дополнено на примере анализа иных интернет-сообществ. Интересно, что предложенное деление, основанное на теме высказывания (имеется ввиду то, является ли комментарий отношением к новости, шуткой и т.п.), может быть описано с позиции использования вполне определенных речевых средств и апелляции к вполне определенным элементам речевого действия.

Отметим также, что новостной дискурс, вероятно, располагается ближе к бытовому дискурсу, чем интернет-дискурсу. В комментариях ярко проявляется интердискусивность в том смысле, что они артикулируют как собственно интернет-дискурс, так и значения, связанные с новостным событием (обозначим их в качестве бытового дискурса). Следование жанру проявляется, например, в сокращении длины сообщений, при этом сами тексты относительно индивидуалистичны, то есть не наполнены клише, являющимися элементами интернет-дискурса. В комментариях могут

воспроизводиться устойчивые обороты и значения, присутствующие в бытовом дискурсе, но аспект специфичности интернет-коммуникаций выражен менее явно. Интересным кажется также то, что для интернет-комментирования, несмотря на его преимущественно текстуальную форму артикуляции, характерно то, что в данной работе было обозначено как «визуальные» формы интердискурсивного давления в т.ч. использование изображений и CAPS LOCK.

В завершение можно отметить, что данное исследование показало наличие некоторое потенциала анализа дискуссий в сети Интернет с позиций «живой» и «мертвой» субъектности. Исходные позиции анализа позволяют судить не только о самих субъектах и их степени поглощенности дискурсом, но и оценивать саму дискуссию, выявлять не просто места пересечения дискурсов и властного давления, но и анализировать характер, ход, тенденции обсуждения. Так, при изучении массовых дискуссий с позиций проявлений субъектности, мы можем судить о мере «открытости» и укорененности дискурса. Предложенный формат проведения исследований, по-видимому, будет особенно полезен при изучении остро-социальных вопросов, вызывающих активную полемику в социальных сетях, а также при изучении разнообразных закрытых интернет-сообществ.

Примечания:

1. Платформа или онлайн сервис, веб-сайт, созданные для отражения социальных взаимоотношений.
2. Для удобства анализа здесь и далее под интернет-комментарием будет пониматься именно интернет-комментарий в социальной сети «Вконтакте».
3. В качестве примера можно привести дискуссию вокруг Чернобыльской катастрофы, попавшую в выборку при отборе данных.
4. «РИА Новости»: «Название WiFi-сети на борту самолета напугало пассажиров, сообщает СМИ, поэтому рейс, следующий из Мельбурна в Перт, пришлось задержать». Новость опубликована 2 мая 2016.
5. Связан с навязчивой рекламой сайта joycasino.com, который начал активно сотрудничать с командами по озвучиванию сериалов и фильмов. Реклама, как правило, появляется в самый неподходящий момент и, со временем, стала отдельным интернет-мемом. Предмет обсуждения – дискуссия в паблике «Лентач» вокруг заявления президента МТС о возможно отказе сотовых операторов от платных услуг для абонентов.
6. Разграничение мемов на текстовую и визуальную форму достаточно условно, как правило они сосуществуют в рамках одного мема.
7. Используется в том случае, когда комментатор набрал достаточное число «лайков», чтобы его пост не удалил модерирующий алгоритм
8. Орфография приводится без изменений
9. Пункт «Мне нравится» в правом нижем углу поля комментария

10. Комментарий к новости: «Суд арестовал мэра Владивостока Игоря Пушкарева за откаты при строительстве дорог». Лентач. Новость опубликована 3 июня 2016 г. В изображении обыгрывается мем «Денег нет, но вы держитесь, здоровья Вам», основанный на недавнем высказывании Д.А. Медведева по поводу пенсий в Крыму.
11. Комментарий к новости «ЦЕРН выложил в открытый доступ 300 терабайт данных о работе Большого адронного коллайдера. «РИА Новости». Новость опубликована 24 апреля 2016 года.
12. Комментарий к новости «30 лет назад на атомной станции в СССР произошла крупнейшая в мире ядерная авария. Причины и хроника чернобыльской катастрофы — в инфографике на Ria.ru». «РИА Новости». Новость опубликована 26 апреля 2016 года.
13. Которая по неподтвержденным данным может вызывать рак. Новость опубликована 3 мая 2016 года в паблике «РИА Новости»
14. Комментарий к новости «Заболевшая раком женщина отсудила у Johnson & Johnson 55 млн долларов». «РИА Новости». Новость опубликована 3 мая 2016 года.
15. Комментарий к новости «ЦЕРН выложил в открытый доступ 300 терабайт данных о работе Большого адронного коллайдера» «РИА Новости». Новость опубликована 24 мая 2016 года.
16. Комментарий к новости «США в Ираке уничтожили хранилище денег боевиков ИГ с 500 миллионами долларов». «РИА Новости». Новость опубликована 27 апреля 2016 года.
17. В тех случаях, когда ссылка является способом распространения вредоносного кода.

Список литературы

Ахренова Н.А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление: автореф. дис. д-ра фил. наук: 10.02.19 / Н. А. Ахренова. М. Московский государственный областной университет. – М., 2009. – 36 с.

Барт. Р. Актовая лекция // Ролан Барт. Избранные работы. Семиотика / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989, с. 545-569.

Барт Р. Нулевая степень письма. (Электронный ресурс). (Обращение к документу 9 мая 2015). Режим доступа < http://libfl.ru/mimesis/print/pismo.html >.

Барт Р. Основы семиологии // Сборник статей Структурализм: «за» и «против» / Сост.: М.Я. Полякова. М: Издательство «Прогресс», 1975.

Бауман. З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. — М.: Издательство «Весь Мир», 2004.— 188 с.

Ван Дейк Т. А. Анализ новостей как дискурса // Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с.

Ван Дейк Т. А. К определению дискурса (Электронный ресурс).(Обращение к документу 6 апреля 2015). Режим доступа <http://www.psyberlink.flogiston.ru/internet/bit s/vandijk2.h.>

Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть репрезентации доминирования в языке и коммуникации // Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. - М.: Либриком, 2013. - 337с.

Васильева С. Л. Особенности жанра комментария в русском и английском газетно-публицистическом дискурсе: сопоставительный аспект (Текст) / С. Л. Васильева // Молодой ученый. — 2013. — No2. — С. 207-210.

Галванова О. Е. Коммуникативный жанр как методологический концепт изучения форма социального взаимодействия // Социологические исследования. 2010. No. 6. С. 80-86.

Галичкина Е.Н. Жанровая стратификация российской блогосферы в виртуальной коммуникации // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2009. No 1 (9). С. 58- 63.

Гордиевский А.А. Интертекстуальность и интердискурсивность – к вопросу о разграничении понятий // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. No4.

Грицанов А. А., М. А. Можейко. «Воскрешение субъекта» // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. – 1040 с.

Кожемякин Е. А. Дискурс-анализ как междисциплинарная методология: исторический аспект (Электронный ресурс). (Обращение к документу 13 мая 2014) . Режим доступа <http://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-analiz-kak-mezhdistsiplinarnaya- metodologiya-istoricheskiy-aspekt>.

Кожемякин Е. А. Дискурсный подход к изучению культуры. (Электронный ресурс). (Обращение к документу13 мая 2015). Режим доступа < http://www.madipi.ru/in dex.php?option=com_content&view=article&id=135%3Adiscursologia-proyecto- enciclopedico&catid=134%3Adiscursologia-proyecto-enciclopedico-&Itemid=55>.

Красикова Т. Р. Вербальный аспект конструирования социально-значимых событий в медиатекстах (Электронный ресурс). (Обращение к документу 3 мая 2015). Режим доступа <http://discourseanalysis.org/ada11/st80.shtml>.

Лакан Ж. Ниспровержение субъекта и диалектика желания в бессознательном у Фрейда (Электронный ресурс). (Обращение документу 16 апреля 2015). Режим доступа <http://www.opentextnn.ru/man/?id=1899>.

Можейко М. А., С. Лепин. Дискурс // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. – 1040 с.

Можейко М. А., С. Лепин. Дискурсивность // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. – 1040 с.

Можейко. М. А. Смерть субъекта // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. – 1040 с.

Рыжков М. С. Речевые стратегии участников синхронного интернет-дискурса (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/rechevye- strategii-uchastnikov-sinkhronnogo-internet-diskursa>. (Обращение к документу: 14 апреля 2015).

Сидорова И.Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий): дис. на соискание ученой степени к-та филологических наук // Волгоград, 2014.

Соболева М. К концепции философии языка Юргена Хабермаса (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_02/07.htm>. (Обращение к документу: 19 апреля 2016).

Фуко М. Герменевтика субъекта. (Электронный ресурс). (Обращение к документу 17 мая 2015). Режим доступа < http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000553/>.

Фуко. Археология знания. (Электронный ресурс). (Обращение к документу 24 марта 2016). Режим доступа < http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fuko_arh/>.

Фуко. М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук (Электронный ресурс). (Обращение к документу 16 мая 2015). Режим доступа <http://www.gumer.info/ bibliotek_Buks/Culture/Fuko_Slova/>.

Хабермас Ю. Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия / Пер. с нем. Т.Тягуновой // Социологическое обозрение, 2008. Т. 7. No1.

Чудова И.А. Субъектная и объектная ориентации во взаимодействии: ключевые свойства и возможности интерпретации // Социологические этюды: сборник статей аспирантов. Выпуск 2 / Под общ. ред. М.К. Горшкова. Сост.: Т.Н. Короткова, Л.А. Окольская, Л.В. Яикова. М.: Институт социологии РАН, 2009. С. 20 – 28.

Шевелева. Лингвистические особенности дискурса Интернет-СМИ // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. ñ М.: МАКС Пресс, 2010. Вып. 41. 112 с.

Эко У. От Интернет к Гутенбергу: текст и гипертекст. (Электронный ресурс). (Обращение к документу 18 мая 2015).Режим доступа <http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/Int_Gutten.php>.

Якунина М. Л. Особенности интернет-дискурса: никнейм // Филологически науки вопросы теории и практики. 2013. No 3. С. 218-221.

Habermas. On the pragmatics of communication. Studies in the contemporary German Social thought. Massachussetts: Massachussetts Unstittute of Tecnology – 1998. 454 P.

Елизавета Александровна Вежновец – магистр социологии, Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск).